
МОСКВА И МОСКВИЧИ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СТОЛЕТИЯ

Ирина Карпачева

**Москва и москвичи
через призму столетия**

«Тип-Топ»

2018

Карпачева И. А.

Москва и москвичи через призму столетия / И. А. Карпачева —
«Тип-Топ», 2018

ISBN 978-5-906097-61-3

Дорогие друзья, москвичи, жители самого замечательного города Земли
Вы держите в руках книгу, которая явилась результатом исследований
ведущих историков – москвоведов, краеведов, научных сотрудников Музея
Москвы, которые почти год работали над сбором материалов, их обработкой
и составлению хронологической истории жителя столицы за последние 100
лет. В этом, 2018 году, Москва и москвичи отмечали 100 лет со дня, как
Москва вновь стала столицей и эта книга является подарком всем любящим
наш город, живущим в нем, учащимся и работающим, приезжающим и
живущим испокон веков. Историко-исследовательский проект «Москва
и москвичи через призму столетия», осуществляется при поддержке
Департамента национальной политики и межрегиональных связей города
Москвы и являет собой сравнительный анализ образа москвича и Москвы – в
социальном, экономическом, национальном и других важных аспектах жизни
в период с конца XIX века до начала XX.

ISBN 978-5-906097-61-3

© Карпачева И. А., 2018

© Тип-Топ, 2018

Содержание

Вступительное слово	5
От авторов	7
Дворянская республика	8
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ирина Анатольевна Карпачева, Мария Николаевна Николаева, Наталья Борисовна Ефимова, Ирина Леонидовна Ильичева

Москва и москвичи через призму столетия

Вступительное слово

Дорогие друзья, москвичи, жители самого замечательного города Земли Вы держите в руках книгу, которая явилась результатом исследований ведущих историков – москвоведов, краеведов, научных сотрудников Музея Москвы, которые почти год работали над сбором материалов, их обработкой и составлению хронологической истории жителя столицы за последние 100 лет.

В этом, 2018 году, Москва и москвичи отмечали 100 лет со дня, как Москва вновь стала столицей и эта книга является подарком всем любящим наш город, живущим в нем, учащимся и работающим, приезжающим и живущим испокон веков.

Историко-исследовательский проект «Москва и москвичи через призму столетия», осуществляется при поддержке Департамента национальной политики и межрегиональных связей города Москвы и являет собой сравнительный анализ образа москвича и Москвы – в социальном, экономическом, национальном и других важных аспектах жизни в период с конца XIX века до начала XX.

Цели проекта: сохранение и укрепление солидарности московского городского сообщества; раскрытие роли Москвы в поддержании общегосударственного единства; исследование и сравнительный анализ облика москвича; изучение культурного облика столицы; популяризация уважительного отношения к культурам различных этносов среди жителей и гостей Москвы.

В нашей книге Вы сможете узнать какой был москвич сто лет назад в Императорской России, когда город еще не был столицей, как изменился москвич после Октябрьской революции и возвращению Москвы статуса столицы, что и как менялось в социальном, национальном, экономическом и политическом облике москвича в советский период и что произошло с жителями столицы после развала СССР.

Данный исследовательский проект уникальный в своем роде и первый в Москве. Он позволит широкому кругу москвичей и в целом россиян познакомиться с яркой и многогранной историей развития столичного социума, а также многовековым историко-культурным наследием москвичей и послужит последующему сохранению солидарности московского городского сообщества и укреплению значимости столицы, как центра многонациональной и многоконфессиональной страны.

Я надеюсь, что эта книга откроет для Вас много нового и интересного и ответит на многочисленные вопросы об образе москвича прошлого и даст возможность представить Москву и москвичей в перспективе будущего.

Хочу от всего сердца выразить благодарность всем тем, кто помогал в работе над этим проектом:

- Департаменту национальной политики и межрегиональных связей города Москвы
- Музейному объединению «Музей Москвы»

- Совету по делам национальностей при Правительстве Москвы.

А также всем историкам, краоведам, москвоведом, музейоведам, архивистам и всем неравнодушным москвичам!

Низкий Вам поклон и приятного прочтения!

Проект продолжается!

Руководитель проекта

Президент РОО «Москва и москвичи»

Председатель Комиссии по развитию межрегиональных отношений и этнотуризма
Совета по делам национальностей при Правительстве Москвы

Галли Монастырева

От авторов

Москва – это не только улицы и дома, это, прежде всего, единство непохожих людей. Это они прокладывали здесь первые улицы, защищали город, отстраивали заново, берегли и передавали наследникам московские легенды и домашние реликвии.

У каждого своя Москва, свои впечатления и воспоминания, даже, если хотите своя история этого города.

Однако большая часть книг, написанных о Москве, рассказывает в основном историю улиц и домов, в которых проживали известные москвичи, внесшие значительный вклад в историю и пр.

Мы решили восстановить справедливость и рассказать о «простых» жителях города, составить правдивый «образ москвича на фоне Москвы» и тех событий, свидетелями и участниками которых они были. Дворяне и купцы, рабочие и революционеры, нэпманы и шестидесятники – все они жили в разные годы XIX и XX столетий. Всех их объединяет только одно – любовь к своему городу и вера его будущее.

Их повседневная жизнь и работа, их простые человеческие радости и огорчения всегда были одними из главных тем исследований научных сотрудников Музея Москвы.

За последнее десятилетие в исторической науке, к счастью, изменилось понимание социальной истории. Представления людей о жизни и смерти, понятие дружбы и долга, такие частные темы как история трапезы или домашних праздников и т. п. – все это далеко не полный список новых тем в современных исторических исследованиях. Для нас эти темы давно не новы. Эпоха и люди исследуются и учетом моды, нравов и вкусов, домашних интерьеров. Проблема личности в истории – это и изучение характера человека, его ненависти и любви, надежды, покаяния. Всех этих факторов недостает в отечественных учебниках и монографиях, а наши экспозиции и выставочные проекты все больше ориентированы на показ именно эмоциональной жизни человека.

В нашей работе мы постарались использовать больше воспоминаний и мемуаров, написанных горожанами. В работе мы впервые использовали еще один «вид письменных источников», о котором хотелось бы сказать особо. На протяжении всей активной выставочной деятельности музея, авторы собирали и хранили Ваши комментарии и небольшие рассказы, оставленные в Книгах отзывов. Отрывки воспоминаний, комментарии были не только искренними и душевными откликами на понравившейся проект, но и желанием донести и сохранить до потомков «свою историю Москвы». Авторы подписывались не полностью, чаще ставя только инициалы, поэтому мы никогда не узнаем, как выглядели, чем занимались наши дорогие соавторы. Для нас – это неоценимые источники, очень искренние правдивые страницы из истории города, рассказанные от первого лица. Эта книга «для всех»: для тех, кто родился и вырос в столице; для тех, кто совсем недавно приехал в город или еще только собирается.

Жанр этого издания определить сложно! Это и сборник очерков о Москве, и своеобразный путеводитель «в одном флаконе».

Дворянская республика

«Истинная столбовая русская аристократия не в Петербурге, а в Москве у нас», – говорит один из героев популярного в XIX веке романа «Юнкера». Удивительный писатель Александр Иванович Куприн очень метко охарактеризовал московское дворянство начала XIX столетия.

Это было время «барина», и Первопрестольная слыла дворянской столицей. Они во всем задавали тон в столичном городе, поскольку официальной столицей считался Петербург. Правда, никаких указов и распоряжений государей, по этому поводу не было. Еще во времена Петра Великого двор переехал на берега Невы, за ним потянулись все остальные. Кто по собственной инициативе, а кого и силком тащили.

Вся Москва шепталась о новых усадьбах, модах, балах, выездах и диковинных новшествах домашнего бытия самого привилегированного и благородного городского сословия.

Сначала несколько слов о возникновении русского дворянства вообще. Служилое дворянство появилось в XV–XVI веках.

Это было нерегулярное конное войско Великого князя, а затем царя, которое, по его первому требованию, обязано было собраться «конно, оружно и людно», то есть со своими вооружёнными холопами. На весь срок службы дворяне получали принадлежащие Великому князю земли с деревнями, которые они обязаны были вернуть по её окончании. Вот так и становились первыми помещиками.

В своих поместьях многие из них жили, главным образом, летом, но имели и городские усадьбы в Москве.

С начала XVIII века дворяне, начиная с пятнадцати лет, обязаны были нести поголовную и пожизненную службу, а в 1714 году Пётр I даже запретил производить в офицеры дворян, не служивших рядовыми солдатами.

Тогда же был принят Указ о единонаследии, который, по существу, приравнял помещиков к боярам-вотчинникам. По этому указу поместье передавалось в полное владение только одному сыну в семье, чтобы дворянские имения не дробились между несколькими наследниками, так как это приводило к обеднению рода. Этот указ действовал до 1730 года, когда был отменён, а с 1736 года один сын в дворянской семье стал освобождаться от обязательной службы, а для всех остальных её срок сократился до двадцати пяти лет. Дабы избежать солдатской лямки для своих детей, дворяне придумали хитроумный ход: стали записывать их на службу в полки с малолетства, а то и до рождения (как, например, Петрушу Гринёва в пушкинской «Капитанской дочке»). В этом случае, ко времени начала действительной службы дворянский «недоросль» уже «дослуживался» до младших офицерских чинов.

Кремль.

Вид с Замоскворецкой набережной от Московского моста. 1883 г.

Кстати о «недорослях»: без службы нельзя было получить чина, каждый дворянин обязан был состоять на военной службе. Чин необходимо было указывать при оформлении любых бумаг. Не имеющий такового, должен был подписываться: «недоросль такой-то». До глубокой старости во всех официальных бумагах так и указывали: «недоросль».

Младшее офицерство гарантировано в том случае, если дворянин был записан в гвардию: эти элитные полки имели преимущество перед армейскими в два класса (по «Табели о рангах», принятой в 1722 году), на которые, при переходе в армейские части, увеличивался чин новоиспечённого офицера.

«Табель о рангах» регламентировала военную и гражданскую службу и благодаря успешному продвижению по службе позволила получать дворянство лицам недворянского происхождения.

Дворянство разделялось на потомственное (в котором достоинства и права передавались по наследству) и личное, не имевшее прав на владение крепостными. Чин 14-го класса давал право на личное дворянство в гражданской службе и потомственное – в военной; потомственное дворянство в гражданской службе приобреталось чином 8-го класса. То есть самый низший обер-офицерский чин в военной службе давал потомственное дворянство, а в статской для этого надо было дослужиться до коллежского асессора или надворного советника. Таким образом, Табель о рангах ставила военную службу в привилегированное положение. В это время чтобы приобрести права потомственного дворянина достаточно было получить определённый военный или гражданский чин или быть награждённым одним из российских орденов.

Конечно, такое прибавление в рядах служилого дворянства не могло нравиться старым родовитым дворянам.

Мы часто употребляем термин дворянство столбовое. Помните, у Александра Сергеевича Пушкина в «Сказке о золотой рыбке»: «Не хочу быть черною крестьянкой, а хочу быть столбовою дворянкой...»?

Чтобы не запутать, любезного читателя, поясним, что столбовое дворянство – самое старинное, существовавшее до 1682 года и занесённое в столбцы Разрядного приказа, в котором фиксировалась дворянская служба. Служилое – выслужившееся из других сословий на государственной службе, в свою очередь, разделялось на потомственное, которое могло передавать свою сословную принадлежность детям, и личное, без права наследования дворянского титула. Между ними была колоссальная разница, богатая титулованная столбовая аристократия пренебрежительно относилась к мелкопоместному, служилому и малочинному дворянству. И это не удивительно. Зачастую мелкопоместные дворяне сочетали в себе малограмотность, невоспитанность и невежество, в то время как аристократия обладала хорошим воспитанием, образованием, богатством, служило в полках гвардии и занимало высокие должности в управлении страной. А иногда бывало и наоборот.

Вид Тверской улицы от Страстной площади к дому генерал-губернатора. Фототипия «Шерер, Набгольц и К°». 1888 г.

От принадлежности к столбовому или служилому дворянству, титулованному (относились природные и светлейшие князья, графы, бароны) или нетитулованному зависело внесение рода в ту или иную часть дворянских родословных книг. В первую часть таких книг включали роды, которым дворянское достоинство пожаловал лично император, затем – получившие дворянство на гражданской службе и пожалованные орденами, получившие дворянство на военной службе, иностранные роды, признанные в России, титулованные дворяне, и в шестой части книги самые почётные – столбовые дворяне.

С конца XVIII века образованной дворянской молодёжи разрешалось поступать на военную службу только юнкерами, то есть привилегированными нижними чинами, имевшими право производства в офицеры после 1–2 лет службы и сдачи специального экзамена. Но к этому времени дворянство уже было свободно в выборе своего жизненного пути: изданный Петром III в 1762 г. манифест о «вольности дворянства» освободил этот класс от обязательной государственной службы. Большинство оставило службу, переехало в свои имения, и окончательно «село на шею» крепостным.

Матушка Императрица Екатерина II укрепила права и привилегии дворян Жалованной грамотой дворянству 1785 года. Согласно этому документу, дворянство было свободно от податей и повинностей, от телесных наказаний, могло заниматься любыми видами деятельности и имело исключительное право собственности на крепостных крестьян. Родовое или дарованное имение не подлежало никакой конфискации. Дворянам было даровано право на винокурение, сословную корпоративную организацию и ограниченное самоуправление.

Иными словами, Грамота окончательно оформила права и привилегии этого сословия, которое признавалось «благородным».

Государственных крестьян императрица щедро раздаривала своим любимцам. За годы правления ею было подарено своим ближайшим сподвижникам более восьмисот тысяч крестьян с землёй. Недаром время правления «матушки-царицы» называют «золотым веком русского дворянства». Многие вельможи с облегчением выходили в отставку и перебирались на постоянное жительство в Москву и в богатые подмосковные поместья, без сожаления покидая роскошную новую столицу на берегах Невы, куда их почти насильно пересадила в начале XVIII века властная рука Петра I. В Москву также отправлялись те, кто считал себя несправедливо обиженными и обойдёнными по службе.

Вид Тверского бульвара. Фототипия «Шерер, Набгольц и К°». 1888 г.

Как сообщал известный бытописатель «Старой Москвы» Михаил Иванович Пыляев, Москва (именно как город сословно – дворянский) при Екатерине видела всех замечательных лиц своей эпохи – в стенах Белокаменной отдыхали утомлённые благами фортуны и власти первые вельможи и государственные люди XVIII века.

Один из первых путеводителей по Москве XIX столетия вышел из под пера Николая Михайловича Карамзина.

Н. М. Карамзин в своей знаменитой «Записке о московских достопамятностях», подготовленной им в качестве путеводителя для вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, писал: «...Москва будет всегда истинною столицею России. Там средоточие Царства, всех движений торговли, промышленности, ума гражданского. Красивый, великолепный Петербург действует на Государство, в смысле Просвещения, слабее Москвы, куда отцы везут детей на воспитание, и люди свободные едут наслаждаться приятностями общежития. Москва непосредственно даёт Губерниям и товары, и моды, и образ мыслей... Кто был в Москве, знает Россию...».

Таким образом, если в конце XVIII – начале XIX веков в Петербурге сосредоточивается «молодое» – служилое дворянство, старающееся добиться высокого положения в обществе благодаря успешной карьере в военной или гражданской службе, то весь цвет старинного родовитого барства в это же время собирается в Москве. Эти люди имели собственное суждение обо всех событиях в России и за её пределами и, не стеснённые близостью престола и двора, свободно, хотя и достаточно умеренно, высказывались по их поводу. Общественное мнение России формировалось именно в Москве и именно в среде почтенных сановников, живущих на покое в собственное удовольствие и находившихся почти всегда в оппозиции к «застёгнутому на все пуговицы» официальному Петербургу. Недаром, по свидетельству Н. М. Карамзина, Москва в конце XVIII века слыла «дворянской Республикой».

«В Петербурге служить, в Москве жить!», – гласила широко бытовавшая в России поговорка.

Известный французский писатель и путешественник, маркиз Астольф де Кюстин вспоминал: «Первое, что меня поразило в Москве, это настроение уличной толпы. Она показалась мне более весёлой, более свободной в своих движениях, более жизнерадостной, чем население Петербурга. Люди, чувствуется, действуют и думают здесь самопроизвольно, меньше повинуются посторонней указке. В Москве дышится вольнее, чем в остальной империи. Этим она сильно отличается от Петербурга, чем, по-моему и объясняется тайная неприязнь монархов к древнему городу...»

На протяжении всего XIX века Москва была символической столицей государства, но российские монархи предпочитали короноваться в Московском Кремле. После того, как по приказу Екатерины II в 1763 году, прежде единый высший орган государственной власти – правительствующий Сенат – был разделён на департаменты, два из них – ведающий правами дворян и судебный – были переведены в Москву. Для размещения этих подразделений Сената великий зодчий М. Ф. Казаков в 1776–1787 годах выстроил в Кремле специальное здание, которое не слишком пострадало во время пожара 1812 года. После ремонта в 1856 году в нём разместили судебные инстанции, после чего оно стало называться «Зданием судебных установлений». Естественно, в таких учреждениях служили, преимущественно, дворяне.

Не смотря на то, что к началу века Москва была крупным научным и культурным центром России, многие отмечают, что к этому времени старая столица была довольно провинциальна. Часто в воспоминаниях современников того времени мы читаем: «Москва – это большое село с барскими усадьбами». Москва – это «великолепные дворцы, разбросанные по всем частям города, и бедные деревянные домишки рядом, превосходные сады и обширные огороды среди наилучших кварталов; огромные крытые базары со множеством всяких лавок и магазинов на европейский лад...».

Николай Гаврилович Левшин вспоминал, что Москва «... удивительное пристанище для всех, кому делать более нечего, как своё богатство расточать, в карты играть, ходить со двора на двор; деловых людей в Москве мало. Все вообще отставные, старики, моты, весельчаки и праздноты – все стекаются в Москву и там век свой доживают припеваючи...»

Основную массу населения города в начале XIX века составляли непривилегированные слои – дворовые, помещичьи и государственные крестьяне, пришедшие и приехавшие на заработки, ремесленники, фабричные, солдаты, малообеспеченные и не имеющие постоянного дохода.

Примерно 175 тыс. жителей насчитывалось в Москве в конце XVIII века. В 1811 году население выросло до 275 281 человека. После Отечественной войны осталось всего 161 986 жителей. К 1830-м гг. численность вновь выросла до 305 631 человека, а к 1850-м гг. – 356 511 человек. Смертность в городе превышала рождаемость, поэтому прирост населения шёл в основном за счёт притока из сельских местностей. Так будет на протяжении всего века.

В городе становилось особенно многолюдно в осенний и зимний периоды, когда помещики съезжались из дальних и близлежащих имений. Как вспоминал один из самых знаменитых мемуаристов Филипп Филиппович Вигель: «Помещики соседственных губерний почитали обязанностью каждый год, в декабре, со всем семейством отправляться из деревни, на собственных лошадях, и приезжать в Москву около Рождества, а на первой неделе поста возвращаться опять в деревню. Сии поездки им недорого стоили. Им предшествовали обыкновенно на крестьянских лошадях длинные обозы с замороженными поросятами, гусями и курами, с крупью, мукою и маслом, со всеми жизненными припасами. Каждого ожидал собственный деревянный дом, неприхотливо убранный, с широким двором и садом без дорожек, заглушим крапивою, но где можно было, однако же, найти дюжину диких яблонь и сотню кустов малины и смородины. Всё Замоскворечье было застроено сими помещичьими домами. В короткое время их пребывания в Москве, они не успевали делать новых знакомств и жили между собою в обществе приезжих, деревенских соседей: каждая губерния имела свой особый круг. Но по четвергам все они соединялись в большом кругу Благородного Соборания». Зимой в городе коротали студенты, гимназисты, семинаристы, пансионеры (учащиеся пансионов, состоящие на полном содержании), крестьяне, ищущие заработок. Весной и летом в городе было пусто. К концу первого десятилетия XIX века около половины жителей – крестьяне и дворовые. Дворяне составляли небольшой процент москвичей, но именно из них состояла вся военная и гражданская администрация, офицерство, они были высшими и средними чиновниками. Привилегированное сословие составляло всего одну шестнадцатую часть населения города, но, тем не менее, Москва считалась именно дворянской столицей. Дворяне имели многочисленную дворню, с которой и приезжали на зиму: лакеи, камердинера, повара, кухарки, горничные, прачки, кучера, конюхи; в некоторых случаях имелись свои крепостные певчие, музыканты. Дворня иногда насчитывала несколько сотен человек.

Из городских сословий, выделялось купечество, по численности приближающиеся к дворянам, и мещане – московские и иногородние. «Ядро коренного московского народонаселения составляет купечество. Девять десятых этого многочисленного сословия носят православную, от предков завещанную бороду, длиннополый сюртук синего сукна и ботфорты с кисточкою, скрывающие в себе оконечности плисовых или суконных брюк; одна десятая позволяет себе брить бороду и, по одежде, по образу жизни, вообще во внешности, походит на разночинцев и даже дворян средней руки... В Москве повсюду встречаете вы купцов, и все показывает вам, что Москва по преимуществу город купеческого сословия... Базисом этому многочисленному сословию в Москве служит еще многочисленнейшее сословие: это – мещанство, которое создало себе какой-то особенный костюм из национального русского и из басурманского немецкого, где неизбежно красуются зеленые перчатки, пуховая шляпа или картуз...», – вспоминает Виссарион Григорьевич Белинский.

Самая большая сословная группа – это дворовые, не приписанные к домам (76 866, или 27,9 % населения), затем шли крестьяне помещичьи (41 153, или 14,9 %) и крестьяне казенные (37 523, или 13,6 %). В эти группы входило 155 542 человека, или 56,4 % всего населения. Её составляли крепостные помещиков или казны, отпущенные за вносимый ежегодно оброк

на вольнонаемные работы или на занятие торговлей в городе. Некоторые из них работали по вольному найму на мануфактурах, другие были продавцами в лавках купцов и мещан, некоторые занимались ремеслами.

Старое здание Университета. Фототипия «Шерер, Наболец и К°». 1895 г.

Еще одна, выделяющаяся своей численностью, группа – нижние воинские чины, служившие в размещенных в Москве войсках, или отставные военные (6,9 %).

Также долю населения составляли разных чинов люди (разночинцы) – профессора, учителя, литераторы, врачи и другие люди свободных профессий (составляли 3,9 % от всего населения города), чиновники не из дворян, служившие в казенных учреждениях (всего 0,1 %), а также иностранцы (1,2 %) по занятиям примыкающие и к группе купцов, и к группе ремесленников, и к группе разночинцев.

В то время дворяне играли значительную роль в управлении городом, которое было в руках Генерал-губернатора, подчинявшемуся только Государю. Губернатор считался первым лицом в Москве, ему принадлежало решающее слово в важных делах города и губернии. Он возглавлял всевозможные комитеты, комиссии, благотворительные организации. Ему подчинялись и войска, и гражданские учреждения города. Правовой статус губернатора впервые был четко определен в «Учреждениях для управления Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г., затем дополнен в «Общей инструкции генерал-губернаторам» от 29 мая 1853 г. Как государев наместник генерал-губернатор был главным блюстителем порядка и точного исполнения законов и распоряжений верховного правительства на вверенной ему территории. Первостепенное внимание генерал-губернаторов было направлено на обеспечение внутренней безопасности, контроль за «народным здоровьем и продовольствием», сбор и расходование городских средств, состояние сельского хозяйства, фабрично-заводской и ремесленной деятельности, торговли, цены. В его обязанности входило «отправление правосудия» – высшая судебная и кассационная инстанция, а также контроль за деятельностью и штатами государ-

ственных учреждений и организаций. В ноябре 1796 года Император Павел разделил управление второй столицей на военное и гражданское. Была учреждена должность военного губернатора, в ведение которого перешли руководство полицией и пожарное дело. Указ от 24 мая 1849 г. предоставил московскому военному генерал-губернатору начальство над всеми расквартированными в городе и губернии военными частями. В 1896 году московский генерал-губернатор Великий князь Сергей Александрович Романов был одновременно назначен и командующим войсками военного округа.

Главный административный орган в губернии – губернское правление, где председателем был главнокомандующий (генерал-губернатор), а в состав входили: губернатор, вице-губернатор и четыре советника. Оно обнародовало законы, указы, постановления верховной власти, Сената, других государственных учреждений, надзидало за соблюдением законов.

Петровский парк зимой. Фотография и фототипия П.П. Павлова. 1890-е гг.

В управлении губернией генерал-губернатору помогал гражданский губернатор, второе начальствующее лицо в городе. Ober-полицмейстер был ближайшим помощником главнокомандующего по городу и возглавлял Управу благочиния. Она контролировала выполнение населением полицейских правил.

В ведении ober-полицмейстера находилась вся полиция города. В административном отношении город был разделён на 20 полицейских частей: Городскую, Тверскую, Мясницкую, Пречистенскую и Арбатскую части, Сретенскую, Яузскую, Пятницкую и Якиманскую части, Хамовническую, Новинскую и Пресненскую части, Сущевскую и Мещанскую, Покровскую, Басманную и Лефортовскую, Рогожскую и Таганскую, Серпуховскую часть. Во главе каждой части стоял частный пристав. Часть в свою очередь делилась на кварталы, которые находились в ведении квартальных надзирателей. В 1829 г. было уже 17 полицейских частей. Новинская, Таганская и Покровская были уничтожены.

За покой и безопасность на городских улицах отвечали московские будочники, стоявшие возле полосатых будок, одетые в суконные мундиры серого цвета и вооружённые тяжёлыми алебардами. В 1820-е годы на площадях и перекрёстках стояло почти 500 будок. Современники вспоминали, что будочники обыкновенно были грубыми и мрачными людьми, к которым побаивались обращаться с вопросами.

В Москве было и «общественное управление» – Общая и Шестигласная городские Думы. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи...», подписанная Екатериной 21 апреля 1785 года возвестила: «Общая городская Дума, была составлена из людей, занятых торгами, промыслами и ремеслами, обязана собираться по однажды всяк срок заседания, или же, когда нужда и польза городская потребует, и в другое время...». У Общей Думы была одна проблема: избрать из числа своих гласных исполнительный орган – Шестигласную Думу, которая фактически и была действительным органом городского самоуправления. Шесть ее «гласных» представляли торгово-промышленные сословия – купцов, мещан и ремесленников. Первый «гласный» избирался дворянством, второй, третий и четвертый – купцами I, II и III гильдий, пятый – мещанством и шестой – именитыми гражданами. В неё входил также председатель – Городской Голова, избираемый всеми сословиями. Полномочия думы были ограничены и задачи в основном сводились к составлению сметы доходов и расходов и сборам средств на нужды города, на содержание помещений для войска, полиции, жандармерии и пожарной охраны, ведала ремонтом мостов и мостовых перед казенными и общественными учреждениями, освещением улиц фонарями с конопляным маслом, освещением и очисткой казарм. Доходов у города практически не было, все предприятия были казенными, государственными или частными – не муниципальными. В 1885 году Москва торжественно отметила 100-летие Городской Думы. Тогдашний гласный Владимир Иванович Герье сказал на торжественном заседании: «Жалованная грамота указала дворянам путь из города, объявила как бы несовместимую» с благородством «службу в Городской думе. А между тем это учреждение могло пустить корни и укрепиться лишь под условием прилива к нему самых сильных и развитых элементов. За дворянами вон из городских учреждений потянулись именитые горожане и первостатейные купцы. И что же удивительного, если ... с течением времени Шестигласная дума состояла из шести членов от трех только разрядов, преимущественно из купцов...». Должность Городского головы была учреждена еще до введения городского самоуправления. Выборы первого головы были проведены в апреле 1767 года. Им стал, разумеется, тоже дворянин – бравоый генерал, князь Александр Алексеевич Вяземский. Официальный указ Сенату об учреждении новой должности состоялся только 14 декабря 1767 года, однако, круг деятельности «представителя и руководителя городского населения» в этом документе очерчен не был. Руководители Думы «первого поколения», как могли, вносили посильный вклад в развитие городского хозяйства. В тяжелые времена организовывали выпечку бесплатного хлеба, занимались восстановлением разрушенных после пожаров зданий, благотворительностью. Городское общественное самоуправление начнет активно развиваться только после крестьянской реформы 1861 года. «Положение об общественном управлении г. Москвы», высочайше утвержденное в 1862 году Императором Александром II станет новым этапом в развитии городского управления. В тексте Положения записано: «Городской голова есть главный уполномоченный от всего городского сообщества, а потому на нем главнейше лежит обязанность заботиться о пользах и нуждах общественных...». Голова избирался из представителей всех городских сословий, достигших 30 лет и владеющих собственностью не менее 15 тысяч рублей. Основные принципы избирательной системы нового закона были разработаны с учетом особенностей русских, а не западноевропейских городов. Этот законодательный акт, сохранив деление избирателей на сословные группы, фактически уравнивал их в правах. Первым городским головой, избранным по закону 1862 года будет всеми сословиями уважаемый, дворянин, князь Александр Алексеевич Щербатов, впоследствии, первый Почетный гражданин города Москвы. Москвичи сразу заметили этого спокойного, рассудительного и уважаемого барина. Его первая политическая речь в Дворянском собрании после отмены крепостного права, поразила искренностью. Сам он вспоминал: «...вопреки теориям об уничтожении или самоуничтожении дворянства, я исходил из того положения, что признавая существование сословий необходимым как исторического продукта в России, первенствующее значение признавал за дворян-

ством как за руководящим сословием, но только при условии неотделения себя от остальных – от всего народа; при условии отсутствия сословного эгоизма. Не само дворянство должно возлагать на чело венец первенства, а получать этот венец от других сословий...». И поскольку это было не пустой фразой, а его абсолютным убеждением, то градское сообщество и доверило ему стать головой «всех объединенных сословий» города, а впоследствии наградило его званием Почетного гражданина города Москвы.

В самом конце XIX столетия, в 1897 году на должность Городского головы будет избран Владимир Михайлович Голицын – тайный советник, камергер, потомок древнейшего княжеского рода. В отличие от своих предшественников, князь Голицын предоставлял широкую инициативу членам Городской Управы и гласным, городские предприятия стали приносить реальный доход. Был максимально расширен водопровод, вступила в строй канализация, пущен городской трамвай. Владимир Михайлович никогда не считал это своей заслугой, подчеркивая, что все «успехи Москвы» были подготовлены предыдущими поколениями. Главным дворянином Москвы был, разумеется, генерал-губернатор. Он должен был сочетать в себе важность начальника и хлебосольство русского барина, с рачительностью хозяина города и губернии. Хозяйство его было обширным (например, в 1775 году Московская губерния включала в себя пятьдесят два города и двенадцать провинций с собственными крупными центрами: Переяславля-Залесского, Владимирскую, Суздальскую, Переяславля-Рязанского, Калужскую, Тульскую, Углицкую, Ярославскую и Костромскую).

Многие московские градоначальники были людьми неординарными, оставившими заметный след в истории. Иногда на их долю выпадали нелегкие испытания: войны, народные волнения или разгул стихий. Каждый из них старался оказаться на высоте своего положения. Другое дело, насколько у них это получалось. Были среди них те, кого только добрым словом вспоминали современники, кто оставил по себе самую светлую память.

Прежде всего, это – светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын – человек удивительной судьбы. Младший сын знаменитой пушкинской «Пиковой дамы» – Н. П. Голицыной, он воспитывался во Франции, где блистала в свете его мать. Закончил в 14-летнем возрасте знаменитую Страсбургскую военную академию.

Вид на Большой Каменный мост и храм Христа Спасителя. В. Avanzo. Specialite de photographies. 1890-е гг.

18-летним юношей он, русский аристократ, принимал участие во взятии Бастилии (эту страницу его биографии так никогда и не простил Николай I, постоянно говоривший, что у него на посту московского главнокомандующего – «якобинец»). Вернувшись в Россию, Голицын принимал участие во всех военных действиях против Наполеона и в других кампаниях. Дослужившись к двадцати семи годам до звания генерал-майора, в Бородинском сражении командовал кирасирским корпусом и, как всегда, показал себя истинным героем. Князь Голицын играл одну из важнейших ролей во время контрнаступления русской армии, заграничного похода. Со своими кавалеристами он всегда находился в самом пекле сражений, дошел до Парижа, получил по окончании войны высокое звание генерала от кавалерии. Портрет Д. В. Голицына работы Доу находится в Военной галерее Зимнего дворца. По свидетельству Д. Д. Благово, князь Дмитрий Владимирович Голицын «хорошо знал иностранные языки и очень плохо русский. Говорят, что и просьбы ему подавали сперва на французском языке». Свои речи он составлял на французском для перевода на русский, а затем заучивал или читал по бумажке.

Но редкий случай! Его созидательная, мирная деятельность по своему значению заслонила его военные заслуги, и в историю он вошел, прежде всего, как один из самых любимых москвичами генерал-губернаторов за всю историю существования этого поста.

Федор Иванович Глинка, вспоминая Д. В. Голицына во время боя, писал в «Очерках Бородинского сражения»: «Никто не мог предугадать тогда, что этот воин, неуступчивый, твёрдый в бою, как сталь его палаша, будет некогда судьёю мирным, градоначальником мудрым и залечит раны столицы, отдавшей себя самоохотно на торжественное всеожжение за спасение России!!». Главная заслуга Д. В. Голицына перед Москвой заключалась в том, что при нём полностью завершилось восстановление города после сокрушительного пожара 1812 года.

Не меньшим уважением москвичей пользовался князь Владимир Андреевич Долгоруков – генерал-губернатор Москвы в 1865–1891 годах. Помимо основной службы, Долгоруков был

председателем или членом разных общественных организаций. Он организовывал благотворительные концерты, сам их посещал, часто бывал в театрах, благоволил артистам. Его присутствие не вызывало никакой натянутости в обществе. По воспоминаниям современников, он отличался простотой обращения, редким гостеприимством и хлебосольством, очень любил устраивать многолюдные балы и обеды. На все это нужны были значительные средства, которые намного превышали его доходы. Несмотря на это, князь никогда взятка не брал и к концу своей долгой, более чем восьмидесятилетней, жизни оказался в огромных долгах. Признательные москвичи преподнесли В. А. Долгорукову в один из его юбилеев серебряный барельеф с изображением дома на Пречистенке, где он родился (ныне дом № 19).

Всего пять лет (1908–1912) на посту московского генерал-губернатора служил Владимир Федорович Джунковский, но этот короткий срок был ознаменован многими памятными событиями в жизни города – и торжествами, и драматическими природными катаклизмами. Он принимал участие в организации юбилейных мероприятий, связанных со 100-летней годовщиной Отечественной войны 1812 года, с трёхсотлетием Дома Романовых в 1913 году. Джунковский уделял большое внимание улучшению положения музеев и архивов. Но наибольшую известность он завоевал благодаря своей решительности, распорядительности и действенным мерам по борьбе со страшным бедствием, обрушившимся на Москву и губернию в апреле 1908 года – небывалым наводнением, охватившем пространство в шестьсот квадратных верст.

Вид на здание Манежа. Фотография А. Рейнбот и К°. 1895-97 гг.

Поражает факт, что человек, сознающий всю тяжесть ответственности, в течение нескольких суток, без сна и отдыха, возглавлявший борьбу с разбушевавшейся стихией, был настолько одарен чувством прекрасного, что даже мог залюбоваться непривычным пейзажем. Постоянно объезжая в эти тревожные дни Москву верхом, он запомнил необыкновенную красоту вечернего города, как бы парящего над сплошной водной поверхностью, освещённой чуть выступающими из нее верхушками газовых фонарей и свечами богомольцев, возвращавшихся

с вечерней службы (была Страстная неделя). Эта незабываемая картина нашла впоследствии отражение в его воспоминаниях.

Джунковскому и его соратникам удалось свести до минимума жертвы стихии, по сравнению с ее небывалыми масштабами: только на Оке, в районе Серпухова, где разлив достиг колоссальных размеров, погибли два человека. За свои самоотверженные действия Владимир Федорович был награжден серебряной медалью «За спасение погибавших».

В ознаменование заслуг этих, а также других выдающихся градоначальников Москвы, их портреты и в наши дни украшают стены бывшего генерал-губернаторского дома (Тверская улица, 13 – ныне здание Мэрии Москвы). Этот дом был построен М. Ф. Казаковым в 1782–1784 годах.

Генерал-губернаторы, и, прежде всего, их жёны – первые дамы Москвы, были также главными благотворителями. Сословная благотворительность была широко распространена в Москве. Многие дворяне жертвовали крупные суммы на содержание больниц, приютов, Воспитательного дома, на помощь неимущим учащимся и студентам. Граф Н. П. Шереметев по завещанию своей жены, знаменитой крепостной актрисы П. И. Ковалёвой-Жемчуговой выстроил великолепное здание Шереметевского странноприимного дома – ныне одно из зданий Института скорой помощи им. Склифосовского.

Дворянская молодёжь Москвы проводила время не только на гуляниях и балах. Во «второй столице» было достаточно мест, служить в которых было, выражаясь современным языком, престижно для дворянина. В XVIII веке таким местом был Кригскоммисариат (после перевода его в Петербург, в 1797 г. – Кригскоммисариатская контора) – государственное учреждение, ведавшее снабжением и содержанием армии. Именно в нём служил, например, С. Л. Пушкин, отец поэта. В первой половине XVIII века Кригскоммисариат помещался в Кремле, в 1778—80 гг. для него было выстроено здание в стиле классицизма – в Садовниках, на берегу Москвы-реки (архитектор Н. Н. Легран). Его строгий фасад украшен 6–колонным портиком, увенчанным ступенчатым аттиком, а также барельефами с изображением воинских доспехов. Закруглённые углы оформлены в виде башен. Вы сможете и сегодня увидеть это сооружение на Космодамианской набережной.

В армии всегда нужны были квалифицированные офицеры, которых готовили московские военные учебные заведения. Вспомним только самые знаменитые из них. Прежде всего, это Школа математических и навигацких наук, основанная ещё Петром I, готовившая специалистов для военно-морского флота, а также судостроителей, инженеров, геодезистов и даже архитекторов. К сожалению, здание Школы не сохранилось – ведь помещалась она в знаменитой Сухаревой башне, безжалостно сломанной в 1934 году.

Следы же другого старинного военного учебного заведения ещё можно обнаружить на улице Большая Дмитровка. На месте владений № 9 и 11 в начале XIX века находилась обширная усадьба с главным домом в глубине участка и флигелями, выходившими на улицу. Здесь, в 1814 г., известным военным деятелем и учёным, генерал-майором Н. Н. Муравьёвым было основано Училище колонновожатых – предтеча будущей Академии Генерального штаба, существовавшее до 1823 года. За это время оно выпустило сто тридцать восемь высококвалифицированных молодых офицеров, многие из которых впоследствии стали декабристами, в их числе – сын основателя Училища А. Н. Муравьёв. Известный москвовед Юрий Александрович Федосюк считал, что сохранившийся дом № 11 – бывший флигель некогда большой усадьбы Муравьёвых – являлся как раз учебным корпусом Училища, где слушали лекции будущие офицеры-квартирмейстеры.

Во второй половине XIX века в Москве возникает целый ряд военных училищ, оставивших заметный след в истории нашего города. Самым элитным из них, комплектовавшимся преимущественно молодежью из дворян, считалось Александровское военное училище, основанное в 1863 году (угол Знаменки и Арбатской площади). Юнкеров-александровцев назы-

вали «московской гвардией», они были гордостью всего города. Жизнь училища нашла яркое отражение в замечательном и совершенно забытом сегодня, автобиографическом романе А. И. Куприна «Юнкера», о котором мы уже упоминали.

А вот кузницей кадров для статской, гражданской службы на протяжении полутора веков был, разумеется, славный Московский университет – старейшее высшее учебное заведение России. Основанный по замыслу и плану М. В. Ломоносова указом императрицы Елизаветы Петровны 12 января 1755 года, Московский университет сразу стал крупнейшим центром русской науки и занял достойное место среди других европейских университетов.

Первоначально он помещался в здании Главной аптеки на Красной площади, на месте нынешнего Исторического музея. Тогда в его составе было всего три факультета: юридический, медицинский и философский. Постепенно университет расширялся и «перебирался» на другой берег реки Неглинной – для его нужд было приобретено несколько соседних владений на Моховой улице. На этом месте в 1793 году было выстроено М. Ф. Казаковым величественное здание, предназначенное специально для университета. Адрес старого университета: Моховая улица, дом 9.

Московский университет не был специфически дворянским учебным заведением: ещё по настоянию М. В. Ломоносова, в университет и гимназию при нём принимались также разночинцы, а обучение до 1820 года было бесплатным. Но выпускники, достигшие в учёбе значительных успехов, сразу получали классные чины по «Табели о рангах», достаточные для возведения их в дворянское достоинство через сравнительно короткое время.

«... Чины, полученные службой, я разом навестал, выдержавши экзамен на кандидата, из-за каких-нибудь двух-трёх годов старшинства не стоило хлопотать...», – писал Александр Иванович Герцен в «Былое и думы».

Нет никакой возможности даже перечислить всех славных выпускников и профессоров университета.

В 1779 году, по инициативе М. М. Хераскова, был открыт университетский Благородный пансион – закрытое среднее учебное заведение для детей дворян, который сразу стал одним из центров культурной жизни города. Воспитанники издавали рукописные журналы и альманахи, создали театр. При Университетском пансионе работало «Дружеское литературное общество» (в его заседаниях участвовали братья Тургеневы, В. А. Жуковский, А. Ф. Воейков и другие известные литераторы), проходили собрания Общества любителей российской словесности, которые посещали Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, К. Н. Батюшков. В разное время в пансионе учились А. П. Ермолов, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, В. Ф. Одоевский. Выпускники получали право поступления в университет, но не всегда им пользовались, так как знания, полученные в пансионе, были достаточно фундаментальными для поступления на службу. В 1830 году Университетский пансион был преобразован в 1-ю дворянскую гимназию, а в 1833 – в дворянский институт. (Пансион помещался на месте здания Центрального телеграфа на Тверской улице).

Наиболее способные, многообещающие выпускники университета имели возможность поступить в статскую службу в одно из крупных государственных учреждений, которые пребывали в Москве, несмотря на то, что она в XVIII–XIX веке уже не была официальной столицей России.

Ресторан «Мавритания» в Петровском парке. 1900-е гг.

Молодые дворяне почитали за честь служить в канцелярии генерал-губернатора (ул. Большая Дмитровка, 17 – на месте нынешнего здания Музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко).

Очень престижным местом статской службы был «Московский Иностранной коллегии архив» – уникальное хранилище, в котором были сосредоточены документы по истории России за тысячу лет, так как в него вошли остатки Московского великокняжеского, Царского архивов и архива Посольского приказа (Хохловский переулок, 7).

Начальниками Коллежского архива в разное время были крупнейшие историографы и архивисты Г. Ф. Миллер, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский. В особую моду архив вошёл после воцарения Павла I, муштра которого в армии переходила всякие пределы и заставляла «золотую молодёжь» избегать военной службы. Уже в 1802 году об архиве говорили как о «рассаднике образованной молодёжи». Свою карьеру начинали здесь братья Андрей, Николай и Александр Ивановичи Тургеневы, Александр и Константин Яковлевичи Булгаковы, И. А. Мусин-Пушкин, Д. Н. Блудов, М. М. Сонцов, Ф. Ф. Вигель и многие другие известные в нашей истории личности. Молодое поколение архивистов, работавших в этом учреждении в 20—30-е годы XIX века, почти полностью состояло из знакомых и друзей А. С. Пушкина. Это были С. А. Соболевский, Д. В. Веневитинов, братья И. В. и П. В. Киреевские, Д. Н. Свербеев, старший брат жены А. С. Пушкина Д. Н. Гончаров и другие. Звание «архивного юноши» (выражение С. А. Соболевского) было в это время очень почётным и давало его обладателям повод вести себя с большим чувством собственного достоинства и даже несколько надменно. Недаром А. С. Пушкин писал в «Евгении Онегине»:

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про неё между собою
Неблагодарно говорят.

Эта характерная пушкинская зарисовка ярко отражает атмосферу жизни московского света. Рауты, вечера, балы являлись главными развлечениями дворянского сословия. И недаром одна из следующих сцен «Евгения Онегина» посвящена балу в Благородном собрании, в его великолепном Колонном зале. (Ныне – Колонный Зал Дома союзов. Его адрес: Большая Дмитровка, 1):

Её привозят и в Собрание,
Там теснота, волнение, жар,
Музыки грохот, свеч блистанье,
Мельканье, вихорь быстрых пар,
Красавиц лёгкие уборы,
Людьми пестреющие хоры,
Невест обширный полукруг
Все чувства поражает вдруг.
Здесь кажут франты записные
Своё нахальство, свой жилет
И невнимательный лорнет.
Сюда гусары отпускные
Спешат явиться, прогреметь,
Блеснуть, пленить и улететь.

Красная площадь. Вид на Верхние Торговые ряды. Открытка. Издательство П. Фон-Гиргенсон. 1900-е гг.

Именно в Москву, в Благородное собрание, на зимние балы свозили со всей России дворянских девушек, подобно Татьяне Лариной, на «ярмарку невест». С целью выбора будущей супруги сюда же слетались молодые люди, служившие в Петербурге и в провинции. Балы, музыкальные вечера, «благотворительные базары» (вспомним чеховскую «Анну на шее») продолжались в Благородном собрании с поздней осени до весны. Действительно, нередко заведённые

там знакомства заканчивались свадьбами. По свидетельству Владимира Алексеевича Гиляровского, даже сама улица Большая Дмитровка в старину называлась Клубной или Дворянской.

Но если в Благородное собрание любому дворянину попасть было сравнительно легко, то бывали в Москве балы, на которые гостей приглашали по строгому выбору, по именному, личному билету. Это практиковалось не только в частных домах, но и в закрытых дворянских учебных заведениях. Ежегодно такой бал давался на святках в Екатерининском институте благородных девиц, в котором учились девушки только из родовитых семей, старинных русских фамилий. Молодые люди почитали за высокую честь и счастье для себя быть приглашёнными туда. Екатерининский институт помещался в одном из лучших зданий старой Москвы (архитекторы И. Д. и Д. И. Жилярди, А. Г. Григорьев, 1808–1827 годы). Теперь это – здание Центрального дома Российской Армии (Екатерининская, ныне Суворовская площадь, д. 2.).

Итак, с конца ноября по март Москва отплясывала на дворянских балах, которых иногда приходилось по 40–50 на один день. «Везде поспеть не мудрено...» Англичанин Ж. К. Пойль, посетивший Москву в начале XIX в... вспоминал: «Московское гостеприимство со своими балами совершенно нас заполонило. Ни одного дня не имею роздыха для моих страннических ног».

Современники замечали, что в отличие от балов, которые давало высшее общество Петербурга, московским балам была свойственна какая-то семейственность.

Обыкновенно бал начинался около шести вечера. На лестнице и стенах у богатых людей зажигались восковые свечи, у тех, кто победнее сальные. В люстрах, канделябрах и бра на стене обыкновенно горели свечи-аплике. Особые мальчишки-казачки со специальными щипцами должны были следить, чтобы оплывшие свечи не чадили и не коптили, снимая с них нагар. К началу XIX века немногие богачи обзавелись редкими тогда масляными лампами. Вообще освещение было такое слабое, что от одного конца залы до другого можно было едва друг друга узнать. Швейцар возвещал звонком о приезде гостей. Лакей громко называл фамилию прибывших. В передней гостей встречали хозяева дома и вели в гостиную. Начинались взаимные приветствия. Обязательно где-нибудь организован буфет, с прохладительными напитками, чаем, сладостями и фруктами спасались от духоты и копоти бальных залов. Здесь постоянно толпились гости: «Пока мы дожидались нашей очереди, чтобы напиться лимонаду, один приземистый барин успел пропустить в себя пять чашек чаю и проглотить с полдюжины сдобных булочек; но, по крайней мере, он ничем не запасался, а в двух шагах от него какая-то пожилая барыня преспокойно набивала конфетами свой огромный ридикюль, который начал уже принимать форму довольно увесистого кулька...»

Рассылать приглашения на бал в Москве было не принято. По особым билетам являлись лишь на придворные балы. Балы и танцевальные вечера у богатых людей назначались в определённые дни. К примеру, по понедельникам – у П. Х. Обольянинова, по вторникам – у П. М. Дашкова, по средам – у Н. А. Дурасова и т. д. «Так водится в московском большом свете, одни ездят к хозяину, другие к хозяйке, а часто ни тот, ни та не знают гостя, что, впрочем, случается более тогда, когда дают большой бал. Тогда многие привозят знакомых своих, особенно танцующих кавалеров. Иногда подводят их и рекомендуют хозяину или хозяйке, а часто дело обходится и без рекомендаций», – вспоминал Василий Николаевич Погожев.

Особенные балы давались по вторникам в здании Благородного собрания, вокруг которого формировалось все дворянство. Его членом мог стать любой российский дворянин. Дом располагался на углу Охотного ряда и Большой Дмитровки, приобретён у бывшего генерал-губернатора князя В. М. Долгорукого и заново отстроен архитектором М. Ф. Казаковым. Здесь проходили заседания Московского губернского дворянского собрания, давались знаменитые балы, маскарады, концерты.

Просторная зала в красивом здании не имела себе подобной в России. По вторникам здесь проходили балы, на которые съезжалось от трёх до пяти тысяч человек. Здесь были все:

от вельможи до мелкопоместного дворянина. Князь Петр Андреевич Вяземский вспоминал: «Мы все, молодые люди тогдашнего поколения, торжествовали в этом доме вступление своё в возраст светлого совершеннолетия». Действительно, для многих это место служило отправной точкой во взрослую жизнь. Родители привозили своих дочерей, надеясь удачно выдать их замуж. Здесь молодые люди познакомились между собой».

А вот что пишет завсегдатай балов, однокашник М. Ю. Лермонтова по Университету, Петр Федорович Вистенгоф: «Благородное собрание обыкновенно открывается 20 ноября или блестящим балом 6 декабря, в день тезоименитства императора, и закрывается денным балом в субботу на Масленной неделе: тут вы можете видеть всех московских красавиц и невест в полном блеске их настоящей красоты, при дневном свете и лучах уже весеннего солнца... Маскарады Благородного собрания разнообразны и даже очаровательны. Съезд на них бывает в 11 часов вечера, иногда и позже. Огромная зала горит яркими огнями, которые, отражаясь, играют на ее светлых мраморных колоннах; на хорах стройный оркестр гремит польский, тот долгий, восхитительный польский, когда мимо вас таинственные маски мелькают, как мягкие тени, мистифицируя всеми возможными способами...»

Кто знает, может быть на одном из таких маскарадов Михаил Лермонтов и придумал свой «Маскарад».

Конечно, предстоящий бал и бальный наряд всецело занимал умы москвичек и москвичей, а уж провинциальной молодежи вообще было не до сна! Молоденьким девицам принято было надевать легкое, простое, не слишком открытое светлое (чаще белое или жемчужных оттенков, «слоновой кости», легкий беж) платье. Причесывали лучшие цирюльники – парикмахеры, к которым записывались за несколько месяцев. Они выезжали на дом, прическу до бала никто не должен видеть. Модным считалось украшать волосы живыми цветами: маргаритками, крохотными букетиками лиловых фиалок, конечно розами. Из драгоценностей прилична лишь нитка жемчуга. Дамы постарше щеголяли в бриллиантах, а молоденьким девчонкам это было «противопоказано». Бальные женские туфли представляли собой плотные тапочки из тонкой кожи и бархата, с округлым носком, без каблука. Непременным атрибутом бального костюма для дам были веер и перчатки.

Пластины вееров делали из слоновой кости, перламутра, черепахи, дерева, золота, серебра. «Экран» мог быть изготовлен из бумаги, шелка, кружева, атласа, бархата, птичьих перьев. Цвет тоже имел особое значение: белый – означал невинность, черный – печаль, красный – счастье, лиловый – смирение, голубой – постоянство и верность, желтый – отказ, зеленый – надежду, коричневый – короткое счастье, черный с белым – разрушенный мир, розовый с голубым – любовь и верность, убранный блестками – твердость и доверие. Если вышивка на веере золотая, то она символизирует богатство владелицы, серебро расскажет о ее скромности. Обращение с веером было своеобразной светской игрой. По тому, как дама держит его в руках, можно было догадаться о её эмоциях и желаниях. Веер был языком, на котором говорили любовники, повстречавшиеся на балу. Возьмите его в левую руку и приложите к правой щеке, и ваш кавалер поймет, что вы на все согласны. Если веер в правой руке, то – «нет»! Дама полностью раскрывает веер – «ты мой кумир», если веер закрыт и им постукивают по ладони – «все кончено». Дотронуться до веера, платка, букета считалось не приличным, фамильярностью со стороны молодого человека. Необходимой принадлежностью бала была бальная книжечка, которые теперь можно увидеть только в музеях. Дама вносила в нее имена своих кавалеров напротив каждого танца, так как приглашения на танец она получала еще до начала бала.

Нескучный сад. 1900-е гг.

Перчатки были атласные, сильно облегаящие руку, светлого цвета. Дамы снимали их только за столом. Носить плохо одетые на руки перчатки, со складками или из толстой кожи, считалось признаком дурного тона. Напяливать их на руки – было сплошным мученьем, приходилось с силой протискиваться в очень узкие и тугие перчатки. Пользовались специальными растяжками. Перчатки быстро теряли форму и пачкались, стирать их было не принято, они превращались в мятую тряпку. Поэтому приходилось менять чуть ли не после каждого выхода в свет, и, как правило, заказывали их не меньше дюжины.

Во времена правления Николая I (1825–1856) мужчинам предписывалось приходиться на балы в мундирах, только были введены военные и гражданские мундиры. Дабы выразить свое несогласие с правлением и прослыть вольнодумцем, можно было придти на бал в штатском. Фрак указывал на то, что его владелец нигде не служит и не является для государства «благонадежным» человеком. В начале XIX века носили, в основном, цветные фраки (синий, зеленый, коричневый, оттенки красного). Черный цвет станет «бальным» позже, а пока он символ траура.

Специальный костюм для бала начал формироваться с 1801 года: это были сорочка с высоким накрахмаленным воротником, высокий темный атласный галстук-косынка, короткий жилет и фрак, головной убор – шляпа-цилиндр. Одежда, которая надолго стала «дворянской».

До середины XIX века кавалеры являлись на бал в туфлях, коротких штанах – кюлотах и плотных чулках. Танцевать в сапогах считалось неприличным. Офицеры снимали оружие и шпоры, чтобы не повредить платью дамы. Танцевали только в перчатках, но отводя даму на место и приглашая на танец, а также целуя её руку, кавалер снимал перчатку со своей правой руки. У мужчин перчатки были лайковые, светлые, также сильно обтягивающие руку, поэтому умение быстро успеть снять и надеть перчатку на руку, требовало определенной ловкости и постоянной «тренировки».

Франты появились уже в самом начале 1800-х гг., но тогда, во времена Павла I, появившийся на балу владелец очень модного, эксцентричного костюма мог иметь неприятности с

полицией. В моду вошла бесформенная прическа а la Титус, свисающие на лоб и виски завиточки. Усы и бороду дворянам было носить неприлично, поэтому довольствовались бакенбардами. Модным стало носить часы, у некоторых модников их было даже по двое. Носили их в жилетном кармане на цепочке или шнурке. В начале 40-х годов появилась мода на стёклышко в глазу (монокли).

Молодой человек, желающий быть принятым в светском обществе, был обязан не только одеваться по моде, но и быть в высшей степени «комильфо»: говорить по-французски, танцевать, знать сочинения новейших авторов, уметь вести разговор о театре и музыке, продекларировать пару сочинений модного поэта. Манеры состояли в умении правильно кланяться, ходить, стоять, сидеть, танцевать. Если сидеть, то спокойно, не кладя ногу на ногу, не перебирая руками шляпы и пуговиц, кусать губы, ногти, очень неучтиво было зевать. Аристократическое образование дополнялось уроками танцев: «... сначала учили нас, как входить в комнату, как шаркать ногой, соблюдая при этом, чтобы голова оставалась неподвижной, как подходить к дамской ручке и отходить, не поворачиваясь правым, но непременно левым плечом; затем начинались танцы...», – вспоминает в «Литературных воспоминаниях» Дмитрий Васильевич Григорович.

Нескучный сад. 1900-е гг.

В первой половине XIX века появляется новый тип идеально одетого мужчины – дэнди. Они отличались не только костюмом, но и манерами. Истинный дэнди имел томный, равнодушный вид, кидал презрительные взгляды на дам сквозь лорнет, отличался независимостью характера и скукой, выказывая её на английский манер. Пристально разглядывать или смотреть в упор на дам в свете считалось верхом неприличия. Таким образом, дэнди демонстративно нарушали, принятые в светском обществе, правила. Однако по воспоминаниям Елизаветы Петровны Яньковой, урождённой Римской-Корсаковой: «...многие знатные старики гнушались новой модой и до тридцатых еще годов продолжали пудриться и носили французские кафтаны. Так, я помню, некоторые до смерти оставались верны своим привычкам: князь Куракин, князь Николай Борисович Юсупов, князь Лобанов, Лунин и еще другие, умершие в тридцатых

годах, являлись на балы и ко двору одетые по моде екатерининских времен: в пудре, в чулках и башмаках, а которые с красными каблуками...».

Были и так называемые «детские балы». Они устраивались в первую половину дня либо в частных домах, либо у танцмейстера. Туда привозили и совсем маленьких детей, но танцевали также и девочки до четырнадцати лет. Невестой можно было стать уже в пятнадцать лет, в то время, – это возможный возраст для замужества.

Ну и конечно какой бал без танцев. В них принято было участвовать даже беременным женщинам. Нередко такие вечера представляли настоящую угрозу для здоровья. В танцевальных залах было жарко, платья из легких тканей. На улице мороз! Переохлаждение после жарких танцев часто приводило к простуде и воспалению легких. На балу необходимо было безукоризненно выглядеть, контролировать каждое свое движение и слово, при этом казаться веселым, приветливым и естественным.

В начале столетия бал начинался полонезом, который больше походил на прогулку под музыку по залам, где мужчины предлагают руку дамам, и пары степенно обходят большую залу и прилегающие к ней комнаты. Первой парой шли хозяин и самая почётная гостья, вторыми – хозяйка с самым почтенным гостем. Этот танец длился не менее получаса.

Дом В.И. Фирсановой/ Благородное собрание. Из альбома «Архитектурные памятники Москвы». Художественная фототипия К. Фишера. 1904-05 гг.

За ним следовали лёгкие танцы – экосез и экосез-кадриль, мазурка и, не совсем «приличный» вальс. Вальсирование в некоторых домах считали непристойным из-за близости партнёров во время танца. Это «унижало» достоинство женщины! Но танец стал невероятно модным, и окончательно «победил», после проникновения в Россию музыки «короля вальсов» Иоганна Штрауса. Завершал вечер обычно котильон, который мог длиться около трёх часов и больше. Это такой танцевальный марафон из разных танцев – вальса, мазурки, польки. Исполнялся он

всеми участниками в конце бала. Разнообразие Котильона зависело от ведущей пары – кавалер – «кондуктор» давал сигнал оркестру, громко называя фигуры, и следил за правильностью движения пар. После те, кто остался «живым», еле передвигая ноги, разъезжались по домам. И поскольку это было очень важно, обучение танцам начиналось рано – с пяти-шести лет. Не любовь к танцам и неумение танцевать считалось серьезным пробелом в воспитании. Александр Пушкин начал учиться танцам уже в девять лет, т. е. поздно. До лета 1811 года он с сестрой посещал танцевальные вечера у Трубечких-Бутурлиных и Сушковых, а по четвергам – детские балы у московского танцмейстера П. А. Йогеля, который считался одним из лучших учителей балных танцев первой половины XIX века. Не уступали известности также балы Гастана Мунаретти, или Гайтан Антоныча, как называли его москвичи. Он присылал за некоторыми учениками свои сани, чтобы они не тратились на извозчика. Его танцевальный класс располагался в 1818 году на Рождественской улице. Сюда ежедневно съезжались его ученики различных сословий, национальности и возраста. Часто во время уроков он предлагал ученикам завтрак, причем из итальянских блюд. За московскую щедрость, веселый нрав и оригинальность его маскарадов, горожане его любили. Он брал за уроки приличную плату, но обещал научить всем танцам, какие только известны в мире.

Помимо балов московские дворяне были родоначальниками клубного времяпрепровождения.

Легендарный Английский клуб был любимейшим местом встреч высшей московской аристократии. Он был основан в царствование Екатерины II жившими тогда в Москве иностранцами по образцу клубов Англии. В 1797 г. клуб был закрыт императором Павлом I и возобновил свою деятельность в 1802 году, после воцарения Александра I.

Тогда он разместился в доме малолетних князей Гагариных на углу Страстного бульвара (д. 15) и Петровки (ныне в этом здании – Московская Городская Дума). Здесь в 1806 году москвичи чествовали героя Шенграбенского сражения генерала П. И. Багратиона. Этот торжественный обед в Английском клубе ярко описан в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Во время французской оккупации в этом доме нередко бывал молодой офицер-интендант наполеоновской армии Анри Бейль – будущий знаменитый писатель Стендаль. «Этот город не был знаком Европе, – вспоминал он впоследствии, – в нём было от шестисот до восьмисот дворцов, равных которым не нашлось бы ни одного в Париже». Прежде всего, его поразил, конечно, роскошный дворец бывшего Английского клуба, построенный, предположительно, М. Ф. Казаковым. Сгоревший во время пожара 1812 года, дом этот только в 1826 году был восстановлен архитектором О. И. Бове и именно в таком виде дошёл до нашего времени. После этого клуб поменял несколько помещений (в течение целых восемнадцати лет он даже располагался в том самом доме на Большой Дмитровке, где находилось Училище колонновожатых).

В апреле 1831 года клуб переехал в новое помещение – дом графини М. Г. Разумовской на Тверской, со «львами в воротах», которые были упомянуты А. С. Пушкиным в романе «Евгений Онегин» при описании прибытия Лариных в Москву.

(Это дом № 21 по Тверской улице – ныне Музей современной истории России). В этом особняке он и находился до 1917 года.

Быть членом Английского клуба было не просто почётно, это означало принадлежать к самым сливкам общества.

Жизнь Английского клуба строилась в соответствии со строгим Уставом. Принимались в него только дворяне – мужчины, женщины в него не допускались. Естественно, поэтому в нём не устраивали никаких балов или музыкальных вечеров. Время там проводили в роскошных обедах и ужинах, спорах и дискуссиях, чтении газет и журналов (библиотека Английского клуба славилась как одна из лучших в Москве). Но главное, там шла крупная карточная игра на деньги, во время которой проигрывались иногда целые состояния. Число членов клуба в XIX веке составляло всего 350–400 человек, поэтому многим приходилось ждать очереди по

10 лет и более. Запись в кандидаты состояла из 1000 фамилий. В члены клуба принимались дворяне исключительно тайным голосованием. В баллотировке должны были участвовать не менее сорока пяти человек, и для того, чтобы быть избранным, надо было получить не менее двух третей голосов. Избирателям выдавали черные и белые шары: 2 трети белых шаров означало поступление в клуб. В случае неизбрания кандидата Устав запрещал предлагать его вторично. Принятый в члены клуба должен был ежегодно платить членские взносы и возобновлять свой билет, иначе считался выбывшим из клуба.

Впрочем, и просто гостям-посетителям, здесь были всегда рады. Сохранились воспоминания писателя Степана Петровича Жихарева: «По милости брата И. П. Поливанова, я, наконец, хотя гостем, попал в Английский клуб – и как доволен! Он обещает записывать меня, когда только захочу, и я завтра же буду там обедать. Какой дом, какая услуга – чудо! Спрашивай чего хочешь – все есть и все недорого. Клуб выписывает все газеты и журналы, русские и иностранные, а для чтения есть особая комната, в которой не позволено мешать читающим. Не хочешь читать – играй в карты, в бильярд, в шахматы, не любишь карт и бильярда – разговаривай: всякий может найти себе собеседника по душе и по мысли. Он показался мне каким-то особым маленьким миром, к котором можно прожить, обходясь без большого. Об обществе нечего и говорить: вся знать, все лучшие люди в городе членами клуба. Я нашел тут князей Долгоруких, Валуева, смоленского Апраксина, екатерининского генерала Маркова с георгиевскою звездою, трех князей Голицыных, сенаторов, Карамзина, И. И. Дмитриева, Пушкиных...». Действительно, членами были три поколения Пушкиных: отец Александра Сергеевича – Сергей Львович и его дядя – Василий Львович, сам великий поэт и его старший сын Александр Александрович, впоследствии генерал, Гончаровы – дед и братья Н. Н. Пушкиной, а также поэты П. А. Вяземский, И. И. Дмитриев, Е. А. Баратынский, Н. М. Языков, Д. В. Давыдов, Ф. И. Тютчев, писатель М. Н. Загоскин, историк М. П. Погодин, издатель Н. А. Полевой, музыкант граф М. Ю. Виельгорский и актёр М. С. Щепкин. Там встречались и часто спорили люди самых разных убеждений: почти недоступный в другое время знаменитый князь Н. Б. Юсупов и известный кутила и бретёр граф Ф. И. Толстой (Американец), многие декабристы, друзья А. С. Пушкина – П. В. Нащокин, С. А. Соболевский, П. Я. Чаадаев. Весь «цвет» дворянской Москвы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.